

НА ОСТРОВЕ АФРОДИТЫ

ЗАЩИЩАЯСЬ, завоеватели, как правило, говорят «о великой культурно-исторической миссии» своей «опеки». На Кипре я воочию увидел, что это значит. Мы стоим с друзьями среди руин знаменитого храма Афродиты близ Пафоса. Полднейной зной разогнал туристов. Тишина. На камнях лениво греются саламандры. Разомлевший от зноя одинокий ослик не спеша бродит по холму. Когда-то здесь высились стройные портики храмов и стояли золоченые статуи; сейчас перед нами однообразный ряд камней с редкими остатками разбитых колонн. Ничего не осталось. Безжалостная работа времени? Нет! Оперативность сотрудников Британского музея в Лондоне. С Кипра еще недавно уходили корабли, груженные колоннами храмов Афродиты и Аполлона.

Мы входим в один из залов прилегающего к храму музея и видим множество каменных постаментов, на которых стояли недавно драгоценные статуи кипрских богов. Если вы их хотите увидеть, поезжайте в Лондон. Они тоже там. Служитель рассказывает, как варварски, наспех производились раскопки, как в суматохе разрушались святыни древней истории Кипра.

«Ничего, — зло говорит наша переводчица-гречанка, — когда-нибудь мы все это заставим вернуть на свое место...».

...Осматриваем огромный древний театр Саламина. На скамьях его каменного амфитеатра когда-то сидело восемнадцать—двадцать тысяч человек. Каждое слово актера, шепотом сказанное на сцене, прекрасно слышно в самом последнем ряду, на вершине горы. Театр построен так, что неразрывно связан с окружающим его пейзажем. Он как бы неотъемлемая часть природы, так же, как был когда-то неотъемлемой частью духовной жизни этого города. На одной из плит читаем пояснительную надпись: «Второй век до нашей эры. Ассоциация актеров подносит в дар богу Дионису жертвенную статую». Ого! Значит, во II веке до нашей эры на Кипре был уже своеобразный профсоюз актеров! А сейчас?

— Но ведь у нас в сущности до сих пор нет еще ни одного постоянного театра, — отвечают мне мои спутники.

Я ВИДЕЛ в маленьком провинциальном Пафосе остатки трех древних, некогда великолепных театров, а в Никозии, столице Кипра, я смотрел спектакль небольшой группы кипрских актеров, играющих в помещении третьеразрядного кинематографа, примыкающего к бару. Группа называлась «кипрским театром». Другого театра на Кипре не было.

В свое время при поддержке партии АКЕЛ в Никозии был создан серьезный творческий театр «Прометей», который, следуя заветам национальной сцены, стремился быть школой гражданской доблести и борьбы. Однако в условиях колониальной жизни острова, прикованного к скале экономических трудностей, «Прометей» клевало слишком много всяческих птиц. Театр прекратил свое существование. Но его прометеев огонь не погас. Сейчас, когда Кипр все же получил многие права, которых он не имел раньше, этот огонь разгорается сильнее. Кипрские актеры взволнованы появившейся реальной возможностью создания нового, полугосударственного театра в Никозии. Заканчивается строительство красивого театрального здания. Сам президент Кипра, архиепископ Макариос, ассигновал пять тысяч фунтов на создание труппы и подготовку первых спектаклей.

Во время аудиенции у президента мы спросили, можно ли рассматривать эту помощь, как знак того, что театр будет государственным. Он ответил, что так как в каждом кипрском городе существуют греческая и турецкая общины, вряд ли греческий театр может давать свои спектакли под флагом греко-турецкого государства. Среди полумиллионного населения Кипра 80 процентов составляют греки и примерно семнадцать про-

центов — турки. Одним из последних «опеки» бывших опекунов острова Афродиты осталась искусственно вызванная ими национальная рознь. Потребуются много усилий, чтобы окончательно вылечить эту опасную болезнь. Она мешает многому, в том числе и театру.

ВЫСТУПАЯ на одной из дискуссий в Никозии, я столкнулся с проявлением еще одной опасности, стоящей на пути возрождения кипрской национальной культуры. Было это в Галлери — салоне-мастерской одного кипрского художника-абстракциониста — хорошего, доброго и храброго парня, который отважно дрался с нацистами на войне и охотно помогает сейчас всем прогрессивным делам на острове. Это не мешает ему писать совершенно загадочные композиции.

Среди кричащих холстов в мастерской собрались в этот вечер молодые художники, актеры и поэты Никозии, с которыми мы вели разговор о современном искусстве. Нужно сказать, что молодежь Кипра в массе своей сохранила удивительно крепкий иммунитет к тому послевоенному нигилизму, к тем соблазнам «сладкой жизни», которые на Западе отравляют сейчас немало молодых душ. Однако несколько модных ниспровергателей оказалось и на этой встрече. Один догадывался, что всякое творчество должно быть принципиально-бессмысленным, другие утверждали, что театр вообще не является искусством.

Высказанная нами мысль о том, что лучше построить хотя бы один театр на земле, где некогда играли творения Эсхила, чем вести бесплодные дискуссии на эту тему, была бурно поддержана всеми участниками диспута. «Ну, хорошо, — сдаваясь, отвечали сторонники старомодно-модернистских концепций, — допустим, мы согласимся, что театр есть искусство, и начнем строить его. Но ведь наш народ на Кипре не готов еще к тому, чтобы это искусство понять». Вот оно — ядовитое порождение минувших лет. Это было самым печальным из того, что я услышал в тот вечер. Неверие в свой народ, и какой народ! Вот почему так важна «деколониализация» мыслей и привычек.

Участники дискуссии дружно накаутировали забывших о своей национальной гордости снобов. Киприоты влюблены в свой Кипр, в свою историю, свою культуру. Мы в мастерской чудесного художника Диамантиса. На его залитых жарким солнцем холстах, в созвучиях празднично горящих красок перед нами возникает мир кипрской деревни. Его глубокая, нежная любовь к своему острову превращает самые, казалось бы, обыденные, прозаические вещи и сцены, которые он видит, в прекрасные сказки и мудрые философские поэмы. В простых розовых крышах своего родного села он находит для себя источник новой красоты. Подобно мадоннам, предстают на его холстах крестьянские матери. Сидят, философствуют за столиками деревенских кафе пастухи и виноделы. На бескрайней земле в величавом ритме трудятся пахари. В золотисто-терракотовых одеждах девушки несут в больших кувшинах драгоценную на Кипре воду. Закутанная в черную шаль женщина идет по дороге, работливо заслоня от солнца цветущей веткой дерева спящего на ее руках ребенка.

— Есть художники, которые любят путешествовать и пишут о многом, — говорит Диамантис. — Я хочу для многих рассказать об одном, о своем селе, о своем острове и в этом стараюсь открыть многое. Диамантис уже не молод. Но его прекрасное лицо с огромными добрыми карими глазами светится неиссякаемой бодростью и энергией. Тридцать семь лет он преподавал живопись в школе, с трудом урывая время для своих картин. Теперь он наконец получил возможность писать.

— Как хочется работать! У меня столько планов, столько заготовок, что и несколько жизней не хватит, чтобы все это написать. В этом осеннем воодушевлении Диамантиса — отражение того весеннего ветра свободы, которым начинает сегодня дышать Кипр.

В Фамагусте я встретился с еще одной бесценной коллекцией. Наш друг Лоизос Комитис собирал кипрские песни. Сотни песен знал наизусть этот одержимый собирательством, веселый, размашистый

человек. Мы сидим в таверне на берегу моря, пьем доброе кипрское вино, и Комитис, как из рога изобилия, угощает нас песнями, которые можно сравнить, пожалуй, только с сонетами Шекспира.

— Вы на земле Афродиты, — говорит Комитис, — так послушайте любовную песню:

Твое «да» — сделает меня королем.

Твое «нет» — превратит в ничего.

Если б я даже знал,

Что отравы лежит на губах твоих,

Услышав твоё «да», — я все равно

Поцеловал бы их...

Печаль и душевное веселье, пылкость и сдержанность чувств, юмор, который не покидает человека и в беде, отвага, гордость и нежность — все лучшие свойства национального характера живут в кипрской песне. Сколько раз, возвращаясь в сумерках после диспута или выступления, я слушал, как Панос, ведя машину, пел в два голоса с нашей неутомимой переводчицей Моникой Василиу эти душевные, навсегда запавшие мне в сердце песни.

ПЕРВОЕ мая я встречал в Фамагусте. Мимо мечетей и венецианских базилик, мимо белых изящных вилл, по аллеям сказочных лиловых деревьев похимий и узеньким улочкам азиатских кварталов двигалось бесконечное, неудержимое шествие, вздымающее к небу стяги с пылкими словами солидарности с Москвой, Стэнливилем и Гаваной.

Муниципалитетом в Фамагусте руководят члены партии АКЕЛ. Мэрия построила бесплатные ясли для детей, дома для бездомных стариков, около четырехсот новых квартир для рабочих. Сейчас строятся театр, картинная галерея, новое здание мэрии.

Меняется на глазах жизнь Кипра. Совсем новые процессы возникают на острове. Чем трюком не приходится заниматься, скажем, секретарю ЭДОНа Паносу Пионидису. Вот какое дело он недавно разбирал: в одном из горных селений две семьи захотели объединить свои виноградники. А для этого, как делалось из века в век, они решили пожертвовать своих детей. Но вот беда — юноша не захотел жениться на богатом винограднике и из-под самого венца сбежал, как наш Подколесин, захватив с собой девушку из бедной семьи, виноградник которой никак не устраивал его родителей. К Паносу пришел сразу три депутата. Первая — родители отвергнутой девушки. Парень ее оскорбил, опорочил и должен на ней жениться. Если учесть, что в кипрском селе достаточно два-три раза появиться с девушкой, чтобы ее родители потребовали свадьбы, — довод был довольно основательный. Вторая — родители девушки, с которой парень сбежал. Здесь требование свадьбы было уже совершенно очевидным. И третья — родители жениха, настаивающие на объединении виноградников.

Немало времени потратил Панос на то, чтобы убедить родителей в том, что молодые люди должны сами решить вопрос.

Деревенская невеста должна обязательно иметь к свадьбе свой дом. Если ей это не по силам, в дело включается ЭДОН. Молодежь строит дом невесте. Молодежь проводит сбор вещей и средств в помощь Алжиру. Молодежь собирает вещи на раскопки древнего театра. Молодежь создает свой новый, молодой театр. Молодежь ЭДОНа принимает меры к тому, чтобы на шоссе дорогих было меньше автомобильных катастроф, особенно возле того села, где нередко гибли деревенские дети. Молодежь проводит большие фестивали народных плясок и песен. На фестивале в Дали и Фамагусте приняли участие молодые советские артисты, приехавшие на Кипр с визитом дружбы в составе делегации ЦК ВЛКСМ. Под грохот скандирующего стадиона шли юноши и девушки Советского Союза к своим местам на трибунах.

КАК СДЕЛАТЬ так, чтобы ты почувствовал, читатель, ту могучую волну влюбленности в нашу страну, которой мы были окружены в эти майские дни на Кипре? Когда мы проезжали мимо какого-нибудь села, наши машины останавливали крестьяне и властно требовали: «Говорите! Говорите о Москве, о Хрущеве, о Гагарине. Ина-

че не отпустим». Входя в магазин, чтобы купить сувенир на память о поездке, я нередко должен был отказываться от своих намерений, ибо, едва узнав, что я приехал из Москвы, мне настоятельно предлагали взять этот сувенир в качестве подарка. В каждом доме хотели видеть человека из Москвы, и когда мне приходилось встречаться с людьми, которые очень мало знали о нашей стране, мы и с ними быстро находили общий язык.

Сила притяжения наших идей беспредельна. Я помню, как на гастролях афинской труппы, игравшей в Лимасоле, ко мне подошла старая актриса. Она жила в Греции, в Афинах — городе, в котором открытая симпатия к России нередко грозит ссылкой на остров, где десятки лет держат в заточении ни в чем не повинных людей. И все-таки она подошла. И в наступившей тишине шепотом сказала, сжимая мою руку: «Передайте много поцелуев там, куда вы скоро вернетесь...».

Однажды с Паносом и Моникой я ехал через горы Трофоса в Пафос. Решили по дороге посмотреть знаменитую «ванну Афродиты», названную поэтом Ариосто «Фонтаном Амороза» — источником любви. Легенда утверждала, что именно здесь, между Полисом и Пафосом, купалась Афродита, когда ее увидел Адонис.

Путь к «источнику любви» был нелегким. Мы ехали через горы двенадцать часов. Но ведь, как говорится, путь к любви и красоте всегда труден. Впрочем, красота сопровождала нас на всем протяжении нашего пути. Среди скалистых гор росли красивые ливанские кедры, черешневые сады и поляны маков разнились по склонам гор белыми и алыми озерами, то и дело розовым и лиловым огнем вспыхивали на дороге какие-то сказочные деревья — и все это в сочетании с сердечным дружеством встречающихся нам по пути людей делало наше путешествие похожим на сказку. Небо светилось какой-то удивительной голубизной, которую я видел только в этих краях. Подъехав к месту, откуда путь к «источнику любви» лежал по узкой тропе, мы сошли с машины. Не успели мы отойти и сотня шагов, как разразилась небывалая гроза, хлынул ливень, которого на Кипре уже не было несколько месяцев.

Мы продолжали упрямо идти вперед, пока не увидели среди лимонных и апельсиновых деревьев, освещаемых блеском молний, прославленного грот, выходящий в море. Лишь отважная киприотка Афродита могла бы купаться в такую бурю. Подобно Афродите, мы тоже приняли изрядную ванну. В тот момент, когда мы были уже в весьма плачевном положении, Афродита выслала нам навстречу свою младшую сестру — маленькую девочку, которая повела нас в свой дом. Мы попали в очень бедное, задымленное крестьянское жилище, где вместе с козами, в чаду у очага ютились множество ребятшек и где немолодая, усталая женщина встретила нас, как друзей, высушила нашу одежду, дала нам приют и проводила в дорогу. Наверно, это и была встреча с Афродитой — богиней любви.

Дождь прошел. Мы ехали по берегу моря. Небо и море после дождя стали неправдоподобно розовыми, сливаясь в одну сияющую розовую бесконечность. Я вспомнил строчку Гомера о «розовоперстой богине» и понял, что Афродита благословляет наш путь. Зашло солнце. На небе зажглась первая звезда, которую здесь, на Кипре, называют Афродитой. Может быть, скоро наш новый Гагарин полетит на эту звезду. Ведь послан уже к Венере первый вестник. Я ехал и думал о том, что в настоящем искусстве должна быть и красота этих вечных гор и моря, и правда о том, как еще трудно живут люди в нашем несовершенном, драматическом мире, и тепло дружеских рукопожатий, которыми путники обмениваются на дороге, и пламя гостеприимного очага, и свет далекой звезды, приглашающей человека к полету.

И еще я думал о том, какой бездонный источник любви живет в сердце каждого народа и какие чудеса он может творить на земле. **В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.**

Окончание. Начало в «Известиях» № 156.

5 стр.

№ 166 [13712]

13 ИЮЛ 1961